

Константин Морозов: «Руководство партии с.-р. всегда рассматривало Керенского... как в известной мере попутчика»

Слова, вынесенные в заголовок, были написаны в 1937 г. членом ЦК Партии социалистов-революционеров (ПСР) в 1917–1921 гг. и лидером первой группы подсудимых на процессе эсеров в 1922 г. А.Р. Гоцем в «историческом» разделе его собственноручных показаний в Алма-Ате. Целиком фраза звучала так: «Руководство партии с.-р. всегда рассматривало Керенского как случайного члена партии, органически не связанного с её основным руководящим ядром, как в известной мере попутчика, не принимавшего участия в нелегальной работе партии в дореволюционный период. Для широких же кругов населения Керенский и партия с.-р. представляли одно неразрывное целое. Керенский в глазах страны олицетворял партию с.-р. За подобную оценку партия с.-р. расплачивалась уже в первые месяцы Февральской революции, когда чрезвычайная популярность Керенского привлекла в ряды партии с.-р. огромные массы сочувствующих из кругов интеллигенции, мелкой буржуазии, кооперации, влила в партию с.-р. элементы социально разнородные, быстро разводнившие основные подпольные кадры партии, выкованные в период борьбы с царским правительством и толкавшие партию вправо. Но ещё больше партия с.-р. пострадала, когда популярность Керенского, в особенности после июньского наступления, пошла резко на убыль, и рабочий класс и крестьянская часть армии своё разочарование Керенским перенесли на партию с.-р. в целом. Вместе с тем, благодаря участию Керенского в правительстве с первых же дней революции у партии с.-р. не было периода, когда она находилась бы в открытой оппозиции к правительству. А ведь период оппозиции для всякой политической партии является периодом накапливания сил, их оформления, организации, политической консолидации, идейного сплочивания»⁵³.

Размышляя о политической биографии Керенского, пиком карьеры которого оказался 1917 г., и о его месте в истории России, нельзя не отметить их парадоксальность: его стремительное возвышение (а затем крах) были и достаточно случайными, и в то же время очень характерными для революционной эпохи.

Книга С.В. Тютюкина заслуживает самой высокой оценки и по степени своей фундированности (этим отличались и все его предыдущие исследования), и по желанию автора отойти от старых стереотипов в освещении фигуры Керенского и посмотреть на него максимально объективно. Вехи его жизненного пути прослежены автором достаточно скрупулёзно. Читая 2-ю и 3-ю главы книги, где освещается парламентская (и отчасти внепарламентская) деятельность Керенского и его путь к власти, ловишь себя на мысли, что та часть эсеровского руководства и партийных функционеров, которая выступила за бойкот IV Государственной думы, допустила серьёзный политический просчёт. Успешное использование Керенским думской трибуны для продвижения своей политической карьеры подтвердило правоту сторонников участия партии в Думе (Н.Д. Авксентьев и др.), а не их противников. Ни В.М. Чернов, ни Н.И. Ракитников, ни прочие «бойкотисты» и представить себе не могли, что именно в её недрах будет создано Временное правительство будущей революционной России и что именно думская популярность даст малозаметному

⁵³ ЦА ФСБ РФ, Н-1789, т. 95, л. 22–25.

на партийном небосклоне Керенскому возможность стать не только одним из самых популярных эсеров, но и одним из самых популярных людей в стране.

Тютюкин затрагивает в своей книге проблему взаимоотношений Керенского с собственной партией, когда говорит о выступлении своего героя на III съезде ПСР (с. 176), но, как мне представляется, не уделяет ей того внимания, которого она заслуживает. Ведь, с одной стороны, объявив себя эсером, Керенский воспользовался немалым авторитетом ПСР для того, чтобы вознестись на вершины власти. С другой, – страна, воспринимая его как эсера, не представляла, что в руководстве партии его и его политику поддерживает лишь часть лидеров и партийных функционеров. Слившись с Керенским в глазах масс, ПСР не смогла его контролировать должным образом, за что вскоре и расплатилась, когда и сама фигура Керенского, и политика «коалиции во чтобы то ни стало» стали терять свою популярность, что привело к падению авторитета и самой эсеровской партии в глазах широких масс. Вместе с другими причинами это привело к тому, что ПСР, несмотря на то, что была самой массовой и популярной партией, одержавшей победу на выборах в Учредительное собрание даже после захвата власти большевиками, не смогла в должной мере противостоять большевикам и удержать страну на путях демократического развития.

Причин того, почему ПСР оказалась расколотой и малоуправляемой и не оказала должного влияния на события, предопределив тем самым свою судьбу и в немалой степени повлияв на судьбы всей страны, – много, и эта тема заслуживает отдельного серьёзного исследования. Часть этих причин лежит в объективных условиях того времени, в том числе и в накалённости социально-политической обстановки в стране, психологической привлекательности популистских лозунгов большевиков и т.д. Однако возможности для сохранения демократии в России, думается, всё же существовали. Как справедливо говорила член ЦК ПСР Евгения Ратнер на IV съезде партии в декабре 1917 г., для этого нужно было созывать Учредительное собрание на 2–3 месяца раньше и как можно скорее осуществлять на практике аграрные преобразования⁵⁴.

Но помимо объективных обстоятельств искать причины неудач ПСР в 1917 г. следует также в состоянии самой партии и в её действиях, в идеологических расхождениях и личной борьбе за власть в партии, в неизжитых иллюзиях по поводу большевиков, в которых многие эсеры видели не столь страшных врагов, как в Корнилове или Деникине. Кроме того, свою роль сыграло здесь и желание действовать правовыми методами, без экспериментаторства и авантюры. По мнению Гоца, поддержку крестьян и солдат ПСР потеряла из-за оттягивания решения земельного вопроса, а главное – вопроса о мире. При этом причиной затяжки было отнюдь не «предательство интересов крестьянства», в чём эсеры обвиняли большевики, а опасения развалить фронт. Важно подчеркнуть и отсутствие общепартийного вождя, который мог бы объединить и вести за собой руководителей партии и партийную массу. Как справедливо отмечал Гоц, «В.М. Чернов был наиболее видным идеологом партии, но он не обладал ни способностями организатора, ни данными государственного деятеля».

⁵⁴ Там же, т. 69, л. 180–181. Цитируемые стенограммы IV съезда ПСР, обнаруженные автором этих строк в Центральном архиве ФСБ, судя по редакторской правке, были подготовлены к печати, но света так и не увидели. Вместо них был издан «Краткий отчёт о работах Четвёртого съезда партии социалистов-революционеров (26 ноября – 5 декабря 1917 года)», который во многих случаях существенно, порой до неузнаваемости искажал ход прений.

ля, ни политической прозорливостью и целеустремлённостью политического вождя»⁵⁵.

По воспоминаниям М.В. Вишняка, наиболее популярным эсером в самой партии в 1917 г. был Чернов⁵⁶. Но гримаса истории заключалась в том, что неожиданно для всех и помимо воли лидеров партии в 1917 г. в глазах России главным её вождём неожиданно стал Керенский. Таким образом, возникла противоречивая и парадоксальная ситуация – для членов партии (старых, а не «мартовских») авторитет Чернова был бесспорен (обратим внимание на то, что свидетельство об этом исходит из уст Вишняка, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к Чернову). Но для большинства «мартовских эсеров» и особенно для широких масс «главным эсером» стал Керенский.

Но хотя многие из эсеровских руководителей явно считали Керенского выскочкой, самозванцем и «попутчиком» и потом эти оценки очень активно воспроизводили, мы не вправе забывать о следующих обстоятельствах. Прежде всего, Керенский всё же не выскочил, как «чёрт из табакерки», в марте 1917 г., ибо к тому моменту уже 2–3 года он был довольно заметной фигурой на эсеровском (и шире – народническом) горизонте (как минимум, в столицах), и даже пытался играть роль объединителя различных народнических групп и сил. Правда, он, безусловно, был чужаком для большинства старых функционеров ПСР. Однако часть видных эсеров (Е.К. Брешко-Брешковская, А.А. Аргунов, Е.Е. Лазарев и др.) не просто признала его в 1917 г., но и очень активно защищала от нападок своих товарищей по партии. На III съезде партии Брешко-Брешковская даже демонстративно отказалась входить в ЦК ПСР после того, как туда не избрали Керенского, и выступила по этому поводу с публичным письмом. Наконец, не следует забывать и того (о чём, кстати, многие и не знают), что пребывание Керенского в ПСР вовсе не закончилось в 1917 г., и он продолжал быть одним из лидеров правого фланга партии и в годы Гражданской войны, и в эмиграции в 1920-е гг.

Чернов в 1931 г. так описывал губительное влияние Керенского на падение авторитета партии в 1917 г.: «Специально для П.С.-Р. положение было отягчено перманентным скрытым конфликтом с главою правительства А.Ф. Керенским, который номинально оставался членом партии, но явно стремился к “непартийному” положению и одно время успел создать сосредоточение всей власти в руках трёхчленной, потом пятичленной “директории” под своим главенством. Конфликт этот обострился ещё с майского III-го съезда партии, когда Керенский, ещё не сошедший с вершин своей всенародной популярности, давшей ему кличку “первого любовника революции”, не был избран в Центральный комитет, затем осложнился полным расхождением внутри правительства с В.М. Черновым и демонстративным уходом последнего в эпоху запутанных отношений Керенского с его собственным ставленником на посту Верховного главнокомандующего, ген. Корниловым, непрочный, но компрометирующий в глазах всей демократии союз с которым кончился разрывом, неудачной попыткой военного государственного переворота, и капитуляцией мятежного генерала»⁵⁷.

Гоц позже справедливо считал, что руководство ПСР сделало собственную партию заложником действий Временного правительства и Керенского:

⁵⁵ Там же, т. 95, л. 6, 17–19.

⁵⁶ Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 290.

⁵⁷ Hoover Institution Archives, Collection B. Nicolaevsky, Box 10, Folder 5.

«Участие Керенского в правительстве в докоалиционный период приводило к тому, что партия с.-р., не имея возможности влиять на ход политики Временного правительства, тем не менее несла всю полноту ответственности за все шаги его... Совершенно ясно, конечно, что вина за положение, которое [я] только что обрисовал, всецело ложится на Центральный Комитет партии с.-р., который в силу своей бесхребетности мирился с ним и плыл покорно по течению событий, не пытался ими руководить»⁵⁸. Д. Фирсов, отвечая от имени ЦК ПСР на вопрос делегатов IV съезда, почему Керенского не исключили из партии, заявил: «Его роль подлежит несомненно отчасти партийному суду, отчасти историческому суду, но исключить его из партии не было оснований... У нас в ЦК не поднималось вопроса об исключении А.Ф. Керенского из партии. Что же касается его представительства в правительстве, то я вам ответил, что со времени июльского кризиса А.Ф. Керенский не был представителем партии в правительстве... Когда в половине июля все социалистические партии поручили Керенскому составление министерства, с этого момента ЦК перестал считать Керенского делегированным им и он не был делегатом от партии с.-р. в правительство»⁵⁹. Это заявление было весьма похоже на попытку снять ответственность с ЦК за действия одного из видных членов партии, оказавшегося во главе правительства.

Вся страна видела именно эту сторону дела, но не вникала в то, что делегаты съезда смертельно обидели Керенского, «прокатив» его при выборах в ЦК, а сам он демонстративно игнорировал необходимость отчитываться о своей деятельности перед последним. Представляется, что неизбрание Александра Фёдоровича в ЦК ПСР было серьёзным просчётом лидеров партии и делегатской массы съезда. Может быть, помимо щелчка по самолюбию (который, по свидетельству Вишняка, Керенский запомнил на всю жизнь), эсеры не хотели укреплять его позиции, ещё и выбрав в ЦК. Но это было недальновидно. Напротив, выбрав Керенского и тем самым сильнее привязав его к партии, они решали бы двуединую задачу: не давали бы ему повода обижаться на партию и соответственно усиливать свою независимую от неё игру, а также создали бы рычаг эффективного давления на него.

Объективно Чернов и Керенский оказались конкурентами в борьбе за право считаться вождём ПСР. При этом среди партийных руководителей поддержка Керенского исчерпывалась только несколькими известными именами, зато он был очень популярен в низах партии, среди так называемых «мартовских эсеров». Тем не менее вступать в прямую конфронтацию с Керенским Чернову было сложно, поскольку на защиту премьера встали многие лидеры эсеров, да и ЦК продолжал проводить линию на поддержку Временного правительства. Ситуация усложнялась ещё и тем, что за спиной Керенского стоял Авксентьев, который сам мечтал о лидерской роли в ПСР.

В англоязычной книге начала 1930-х гг., посвящённой юбилею Февральской революции, Чернов, вспоминая о событиях 1917 г., пишет о том, что ему все же надо было провести в жизнь свою линию: и Керенскому, и ЦК следовало бросить вызов, непосредственно апеллируя к низам партии и шантажируя членов ЦК, которым он совершенно напрасно подчинился. Эти строки настолько откровенны, что стоит их привести: «Критические обстоятельства слишком часто требовали резкого поворота руля, но усилия Чернова ослаблял страх за

⁵⁸ ЦА ФСБ РФ, Н-1789, т. 95, л. 25–26.

⁵⁹ Там же, л. 254–255.

судьбу партии. Он действовал менее твёрдо и решительно, чем требовалось для принятия его точки зрения, иногда опасаясь разорвать и без того ослабевшие партийные узы, иногда боясь сбить с толку местные партийные организации своей личной борьбой с Керенским, иногда надеясь, что тактика выжидания и откладывания конфликта поможет выяснить, кто был прав, а кто нет, и безболезненно выправить партийную линию. Возможно, эти причины были уважительными, но следует признать, что Чернов принёс в жертву фетишу недостижимого партийного единства активную защиту той самой программы, которую партия формально одобрила по его инициативе»⁶⁰.

Получалось, что ни Чернов, ни Керенский не могли справиться с ролью лидера ПСР. Не хватило нужных талантов и у Авксентьева, который также пытался конкурировать на этой почве с Черновым. Стоит заметить, что их соперничество продолжилось и после Октября, когда Авксентьев сознательно расстроил попытку Чернова возглавить альтернативное большевикам социалистическое правительство, проект которого тот пытался реализовать на рубеже октября-ноября 1917 г. Но ещё сильнее их личное противостояние проявилось в 1918 г., когда Авксентьев возглавил коалиционную Уфимскую Директорию, поставив в подчинённое положение эсеровский Самарский Комуч. Представляется, что личная борьба Чернова, Авксентьева, а в 1917 г. и Керенского за доминирование в эсеровской партии очень дорого обошлась и самой партии, и всей стране.

Анализируя взгляды историка Г.З. Иоффе на вопрос, был ли шанс у молодой российской демократии противостоять напору большевиков, С.В. Тютюкин, пишет: «Иоффе оставляет место и для альтернативного ответа, указывая на возможный альянс Керенского с Корниловым и подчёркивая роковую пассивность премьера в защите демократии в решающий момент столкновения с большевиками. От себя добавлю, что в исторической ретроспекции, с учётом постсоветского опыта демократизации России и попыток создания в ней гражданского общества, все попытки, предпринятые Керенским в этом направлении в 1917 г., выглядят совершенно непосильными для отдельно взятого человека и тем более конкретно для Керенского. Поэтому и оптимизм Иоффе в данном случае представляется мне не очень оправданным. Более реальной была бы договорённость Керенского с Корниловым» (с. 13–14). Вопрос в том, насколько уместна подобная историческая ретроспекция. Трудно, практически невозможно сравнивать эти две эпохи. Ведь в постсоветском обществе 1991 г. мы видим отнюдь не только черты заметного прогресса, как, например, несравнимо более высокий уровень образования и политической культуры масс, но и заметные признаки регресса. Российское образованное общество и его политическая элита, партии и их функционеры в 1917 г. находились на значительно более высоком уровне, чем после десятилетий террора и советской школы политического выживания. На мой взгляд, одной из важных причин неуспеха демократии в России в 1990-х гг. стала гибель носителей демократической традиции и партий «демократическо-социалистической» ориентации.

Пожалуй, можно согласиться с оценкой С.В. Тютюкиным того места, которое занимал Б.В. Савинков во взаимоотношениях Керенского и Корнилова: «Что касается Савинкова, то он вёл очень сложную политическую игру. Создаётся впечатление, что он не претендовал на роль какого-то единоличного

⁶⁰ Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1917. М., 2007. С. 378–379.

диктатора, а стремился создать систему рычагов воздействия на режим личной власти Керенского и “управления” его действиями через противостоящую премьеру сильную личность типа Корнилова, с которым Керенский так или иначе вынужден был бы считаться больше, чем с другими генералами и политиками. Эту линию Савинков последовательно и проводил, подталкивая через Корнилова Керенского к более решительным мерам борьбы с большевизмом и анархизмом, в которых ему виделась тогда главная угроза для России» (с. 210). Вместе с тем вызывает возражения оценка Тютюкиным самой личности Бориса Васильевича: «Однако полная человеческая и политическая аморальность Савинкова и его возведённый в квадрат оппортунизм делали этого эсеровского экс-боевика довольно ненадёжным партнером как для Керенского, так и для Корнилова» (с. 211). Представляется, что Тютюкин некритически воспринял образ Савинкова, созданный его многочисленными недоброжелателями. Тот действительно имел в партии немало недругов и пользовался славой «революционного бретёра» и «кавалергарда», а его «Конь Бледный», опубликованный в 1909 г., создал ему в партийных кругах и репутацию «оплывывателя революции», претендующего на роль «сверхчеловека».

Кроме того, Савинков неоднократно конфликтовал с ЦК по самым разным поводам. Многие мемуаристы склонны были винить его в неудачах Боевой организации в 1909–1911 гг. Заключение Судебно-следственной комиссии по делу Азефа весной 1911 г. вызвало гнев Бориса Васильевича и заставило его полностью отойти от партийных дел. Когда в апреле 1917 г. он вернулся в Петроград, положение его было странным и двусмысленным. С публикацией его «Воспоминаний» в «Былом» он стал весьма известен широкой публике, в том числе и в низах партии, но подавляющее большинство руководителей ПСР относились к нему резко негативно. Показательно, что ему не нашлось места среди делегатов III съезда ПСР, проходившего в мае-июне 1917 г. Той карьерой, которую Савинков сделал в 1917 г., он обязан исключительно Керенскому. 19 июля он стал товарищем министра и управляющим Военным министерством при министре Керенском. По свидетельству В.М. Зензинова, «это назначение было сделано не только помимо ЦК, но и против ЦК, потому что ЦК, как от имени отдельных членов, так и от имени ЦК предупреждал тов. Керенского о том, что назначение Савинкова является крайне неудачным, но, быть может, самая большая беда, самое большое несчастье тов. Керенского и заключалось в том, что он плохо разбирался в людях, и как раз на Савинкове он потерпел одну из тех больших аварий, какие были в его карьере, в чём он и сознался открыто перед теми товарищами, которые его против Савинкова предупреждали»⁶¹. В октябре постановлением ЦК ПСР Савинков был исключён из партии.

Давал ли Борис Васильевич повод для формирования вышеприведённого негативного мнения о себе? Да, будучи личностью весьма противоречивой. Но все же вывод о его полной аморальности представляется слишком одномерным. По свидетельству Зензинова, «настоящий Савинков не походил на того, каким он себя показывал посторонним»⁶². Кто-то тогда справедливо сказал, что Савинкова, рискующего жизнью в России, видели только несколько его товарищей, зато Савинкова, пребывающего в праздности в Париже – сотни людей. Представляется, что фигура этого видного революционера значительно больше и сложнее расхожих представлений о нём.

⁶¹ ЦА ФСБ РФ, Н-1789, т. 69, л. 263–264.

⁶² Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 301–302.

Безусловно, можно согласиться с одним из завершающих книгу выводов С.В. Тютюкина, что «единственно надёжной предпосылкой появления у нас в будущем талантливых, проверенных и перспективных национальных лидеров является сегодня только всестороннее развитие в нашей стране гражданского общества» (с. 300). Хотелось бы добавить только, что это ещё и единственный путь, чтобы историки, анализируя наше время, не завершили бы книгу о нём так же, как С.В. Тютюкин: «Все получили тогда то, что заслужили: и россияне, и Россия, и Керенский. И всё же есть в этом и нечто трагическое. Такова уж, видимо, их судьба» (с. 300).

Материал подготовлен И.А. Христофоровым